

М. Мендельсон¹ЧТО ЗНАЧИТ
ПРОСВЕЩАТЬ?

Слова «просвещение», «культура», «образование» появились в нашем языке не так давно. Они принадлежат главным образом книжному языку. Народ едва ли их понимает. Должно ли это являться доказательством того, что и вещи [которые эти слова обозначают] так же для нас в новинку? Думаю, что нет. Так, о некотором народе говорят, что он не обладает определенным словом для обозначения *добродетели* или *суеверия*, хотя ему по праву можно приписать наличие немалой толики и того и другого.

Между тем словоупотребление, которое, казалось бы, указывает на разницу между этими равнозначными словами, еще не успело установить их границы. Образование, культура и просвещение суть разные формы общительного образа [*gesellig*] жизни, суть следствия усердия и усилий человека, направленных на улучшение его общественного состояния.

Чем в большей гармонии находится благодаря искусству и прилежанию общительное состояние народа с назначением человека, тем больше в нем образования.

Образование распадается на *культуру* и *просвещение*. Казалось бы, культура больше восходит к *практическому*: к изысканности и красоте в ремеслах, искусствах и общественных нравах (объективно); к ловкости, усердию и сноровке в них [ремеслах, искусствах], склонностях, стремлениях и привычках в общественных нравах (субъективно). Чем в большей степени они у того или иного народа отвечают на-

¹ Перевод трех статей М. Мендельсона и приложений сделан К. А. Волковой (под ред. А. Н. Круглова и И. Д. Копцева) по изданиям: *Mendelssohn M. Gesammelte Schriften. Jubiläumsausgabe / Hrsg. von I. Elbogen u. a. Bd. 6,1. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1981. S. 115–119, 145–148, 139–141; Köhler J. D. Wöchentliche historische Münz-Belustigung, Darinnen allerhand merckwürdige und rare Thaler, Ducaten, Schaustücken, andere sonderbahre Gold- und Silber-Münzen...* Т. 1.12. Nürnberg, 1740. 47 St. S. 370.

значению человека, тем большей культурой этот народ характеризуется; подобно тому, как определенному участку земли приписывается наличие большей культуры и большей степени возделывания, чем больше он благодаря старанию человека приводится в состояние, позволяющее производить для него нужные вещи. *Просвещение* же имеет, как представляется, в большей степени отношение к *теоретическому*: к разумному познанию (объективно) и навыкам (субъективно) в деле разумного размышления о вещах, касающихся жизни человека, в зависимости от степени их важности и степени их влияния на его предназначение.

Я всегда определяю назначение человека как меру и цель всех наших устремлений и усилий, как точку, к которой мы должны устремить наши взоры, если мы не хотим потерять самих себя.

Язык приобретает *просвещение* с помощью наук, а *культуру* — через общение, поэзию и красноречие. Посредством просвещения язык приобретает теоретическое употребление, посредством культуры — практическое. Вместе они дают языку образование.

Культура в своем внешнем проявлении называется *блеском* (Politur)². Да будет благословенна нация, блеск которой является результатом воздействия культуры и просвещения; внешний глянец и отточенность которой имеют в своей основе внутренне процветшую подлинность. По отношению к культуре просвещение ведет себя так же, как и обычно, — теория к практике; как познание — к нравственности; как критика к виртуозному искусству. Рассмотренные сами по себе (объективно), они находятся в самой тесной связи, хотя субъективно очень часто и могут быть разделены.

Можно сказать: у нюрнбержцев больше культуры, у берлинцев — больше просвещения; у французов больше культуры, у англичан — больше просвещения; у китайцев³ много культуры и мало просвещения. Греки обладали и тем и другим. Они были *образованной нацией*, так же, как и их язык является языком *образованных людей*⁴. Вообще язык народа является лучшим показателем его образованности как по культуре и просвещению, так и по степени распространенности и силе выражения.

Далее, назначение человека подразделяется на рассмотрение 1) назначения человека как *человека* и 2) назначения человека как *гражданина*.

Что касается культуры, то все эти назначения совпадают, в то время как все практические совершенства имеют ценность только лишь для общест-

² У немецкого слова "Politur" нет четкого аналога в русском языке. Наиболее близко его значение можно передать как «отшлифованность», «отточенность» или «блеск». В данном переводе в зависимости от контекста оно будет переводиться как «блеск» или «отшлифованность».

³ Очевидно, Sineser — устаревшее нем. китайцы. См., например: Baudier M. Denkwürdiger Beschreibung des Königreichs China in welcher enthalten ein Bericht von ihren Sitten und Gewohnheiten, ihrer Religion und Abgötterey, desgleichen von den Ordnunge sowohl am Königlichen Hof als auch bei ändern Gerichten, daraus zu sehen was die Sineser für kluge Leute sind. Eisenach, 1679; Wolff Chr. Rede von der Sittenlehre der Sineser. Halle, 1740.

⁴ Следует отметить, что подобное рассмотрение, связанное с разделением на конкретные народы и расы, было характерной чертой немецкого Просвещения. Подобные аналогии проводил, в частности, Кант в своих сочинениях «Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) и «Антропология с прагматической точки зрения» (1798).

венной жизни, стало быть, должны отвечать одному единственному назначению человека как члена общества. *Человек как человек не нуждается в культуре, но нуждается в просвещении.*

Сословие и профессия в жизни гражданина определяют права и обязанности каждого члена и требуют по масштабу этих самых [обязанностей и прав] других умений, сноровки, навыков, склонностей, инстинктов, общественных нравов и привычек, другой *культуры* и *отшлифованности*. Чем больше отшлифованность согласована во всех сословиях с соответствующими призваниями⁵ членов общества, тем большей культурой обладает эта нация.

Однако в соответствии с его [гражданина] положением и профессией культура и отшлифованность требуют также от индивидуума необходимости достичь других теоретических *познаний* и другой степени владения ими, другой степени *просвещения*. *Просвещение*, которое интересует человека как человека, является *всеобщим* без различия сословий; просвещение же человека как гражданина видоизменяется в зависимости от *сословия* и *профессии*. Назначение человека полагает здесь опять-таки меру и цель его устремлению.

В соответствии с этим, как кажется, просвещение нации проявляет себя: 1) как сумма познаний, 2) их важность, т.е. отношение к назначению а) человека и б) гражданина, 3) их распространение во всех сословиях 4) в соответствии с их профессией. Выходит, что степень просвещения народа определяется, исходя по меньшей мере из четырехкратного отношения, члены которого, в свою очередь, сами состоят из совокупности более простых членов отношений.

Просвещение человека может войти в конфликт с просвещением гражданина. Определенные истины, которые могут быть полезны человеку как человеку, порой могут повредить ему как гражданину. Здесь нужно иметь в виду следующее соображение. Эта коллизия может возникнуть между 1) существенными или 2) случайными назначениями человека и 3) существенными или 4) несущественными назначениями гражданина.

Без существенных назначений человек опускается до животного, без несущественных он не является сотворенным существом. Без существенных назначений человека как гражданина перестает существовать конституция государства, без несущественных она больше не остается прежней в других отношениях.

Несчастливым является то государство, которое должно признать, что в нем существенное назначение человека не гармонирует с существенным назначением гражданина, что просвещение, которое крайне необходимо человечеству⁶, не может распространиться на все сословия империи без того, чтобы конституция не была подвержена опасности быть уничтоженной. Философия, умолкни здесь! Необходимость может здесь предписывать законы, или даже, более того, — заковывать в кандалы, которые накладываются на человечество, чтобы согнуть его в бараний рог и постоянно держать в узде.

Но когда несущественные назначения человека оказываются в конфликте с несущественными назначениями гражданина, должны быть определены правила, под которые подпадают исключения и с помощью кото-

⁵ Немецкое слово "Beruf" (призвание, профессия) носит несомненную религиозную окраску. Beruf как профессия подразумевает под собой, как правило, только те сословия, которые были установлены Богом — священники, правители, князья и т. д.

⁶ Рассмотрение тех или иных проблем с точки зрения «человечества» (Menschheit) является еще одной особенностью немецкого Просвещения.

рых должны решаться все коллизии. Если сущностные назначения человека, к несчастью, сталкиваются с его же внесущностными назначениями, если в известной мере полезная и украшающая человека истина не может быть распространена без того, чтобы сразу не разрушить присущие человеку принципы религии и нравственности, то почитающий добродетель просветитель будет действовать с осторожностью и осмотрительностью, и лучше уж смирится с предрассудком, чем одновременно изгонит заодно и тесно переплетенную с ним истину. Конечно, эта максима с незапамятных времен превратилась в защиту лицемерия, и мы обязаны ей на протяжении столетий варварством и суеверием. Как бы часто люди ни пытались осудить преступление, но оно спасалось под личиной святости. Однако, несмотря на это, друг человечества в самые просвещенные времена все еще должен считаться с этим рассмотрением. Сложно, но не невозможно провести границу, разделяющую здесь употребление от злоупотребления.

Чем благороднее вещь в своем совершенстве, говорит один еврейский писатель, тем омерзительнее она в своем разложении. Гнилое дерево не так ужасно, как гниющий цветок, а он не так омерзителен, как разлагающееся животное, но и оно не так тошнотворно, как разлагающийся человек. Точно так же с культурой и просвещением. Чем прекраснее они в своем цветении, тем более гнусны они в своем разложении и извращенности.

Злоупотребление просвещением ослабляет моральное чувство, ведет к *упрямству, эгоизму, отсутствию религии и анархии.* Злоупотребление культурой порождает *роскошь, лицемерие, слабоволие, суеверия и рабство.*

Там, где просвещение и культура идут вперед нога в ногу, там они являются друг для друга лучшими предохраняющими средствами против коррупции. Способы их порчи прямо противоположны друг другу.

Образование нации, состоящее согласно вышеупомянутому определению из культуры и просвещения, будет, следовательно, в меньшей степени подвержено коррупции.

Образованная нация не знает в себе никакой другой опасности, кроме как *излишка своего национального благополучия*⁷, который, как наисовершен-

⁷ Найти удачный перевод для немецкого понятия "Glückseligkeit" очень нелегко. Наиболее точно его на русском языке передает, вероятно, «блаженство». И. Кр. Готтшед следующим образом определяет мудрость: «Мудрость вообще есть наука блаженства (Glückseligkeit), каковой ее впервые описал Лейбниц» (*Gottsched J. Chr. Erste Gründe der gesammten Weltweisheit, darinn alle philosophische Wissenschaften in ihrer natürlichen Verknüpfung abgehandelt werden. Theoretischer Theil. Leipzig, 1735. S. 3. § 1.* Само «блаженство (Glückseligkeit) есть состояние постоянного удовольствия. В отношении нас, людей, оно либо временно, либо вечно...» (Op. cit. S. 3. § 2; ср.: *Gottsched J. Chr. Erste Gründe der gesammten Weltweisheit, Praktischer Theil. Leipzig, 1762. ND: Gottsched J. Chr. Ausgewählte Werke / Hrsg. von P. M. Mitchell. Bd. V, 2. Berlin, 1983. S. 108. § 74, разд. «О человеческом блаженстве и о средствах его достижения»); «блаженство (Glückseligkeit) есть, следовательно, неизбежное вознаграждение благодетели. Значит, благодетельный необходимо должен стать счастливым (glücklich)!» (Op. cit. S. 109. § 75). Однако «блаженство» подходит далеко не во всяком контексте. Кроме того, "Glückseligkeit" нередко противопоставляется "Seligkeit", а последнее понятие иначе как блаженство вряд ли можно перевести на русский язык. Иной возможный вариант перевода "Glückseligkeit" — счастье, однако и он передает далеко не все оттенки, а кроме того, оказывается проблематичным в случае противопоставления Glückseligkeit и Glück. Хр. Вольф в своей немецкой этике, в названии*

ное здоровье человеческого тела, уже сам по себе может быть назван болезнью, или переходом к болезни. Нация, которая через образование достигла пика национального благополучия, именно этим подвержена опасности падения, поскольку уже не может подняться выше. — Однако же, это уходит слишком далеко за рамки данного вопроса!

которой присутствует понятие "Glückseligkeit", определяет его следующим образом: «Состояние постоянной радости означает счастье (Glückseligkeit). Поскольку высшее благо или блаженство (Seeligkeit) соединено с постоянной радостью... то человек, который обладает им, пребывает в состоянии постоянной радости. И поэтому высшее благо связано со счастьем (Glückseligkeit)» (*Wolff Chr. Vernünfftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit*. Frankfurt, 1736. S. 35. § 52). Если же посмотреть на тончайшую градацию, которая присутствует у А. Г. Баумгартена, — *beatitudo, felicitas, prosperitas, prospera / Seligkeit, Glückseligkeit, gutes Glück oder Wohlfart, Glücks-Güter* — ситуация с переводом и вовсе окажется практически безнадежной (см.: *Baumgarten A. G. Metaphysica*. Halle, 1757. P. 322. § 787. ND: *Kants Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. XVII. Berlin, 1926. S. 154). Glückseligkeit неоднократно вдохновляло и немецких поэтов (см., например: *Klopstock F. G. Die Glückseligkeit aller*. In: *Werke*. Bd. 1. Leipzig, 1798. S. 157–163). Однако чаще всего понятие "Glückseligkeit" встречается все же в произведениях Канта. В известном прижизненном Канту комментарии его последователь Г. С. А. Меллин определил это кантовское понятие следующим образом: «Удовлетворение всех наших склонностей (как экстенсивно, в соответствии с разнообразием этого удовлетворения, как интенсивно, в соответствии с его степенью, так и протенсивно, в соответствии с его продолжительностью)» (*Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie oder Versuch einer fasslichen und vollständigen Erklärung der in Kants kritischen und dogmatischen Schriften enthaltenen Begriffe und Sätze*. Bd. 3. Leipzig, Jena, 1800. S. 46; см. соответствующую статью: S. 46–72). Учитывая, что "Glückseligkeit" соотносилось в XVIII веке в том числе с *felicitas* (см. примеры: *Onomasticon philosophicum. Latinoteutonicum et teutonicolatinum / Hrsg. von K. Aso u. a.* Tokio, 1989. P. 37, 137–138, 549), которое вполне можно перевести на русский язык и как «благополучие», именно этот вариант и использовался в переводе статей Мендельсона.